

Пол
Лаббе

НА ОСЕННЕЙ ПЛАВНЕ

Из книги: Лаббе П. По дорогам России от Волги до Урала: пер. с фр. А. Ш. Губайдуллиной и Л. Ф. Сахибгареевой под ред. И. В. Кучумова / Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. – М.: Издательство «Паулсен», 2017. – 224 с.

В Гурьеве я получил телеграмму от генерала Максимовича, который призывал меня вернуться в Каленовский поселок, где через несколько дней начнется плавня. Вся дорога от Уральска до Каспия, почти всегда безлюдная, теперь была заполнена телегами, людьми и караванами. Меня обгоняли всадники и повозки с лодками, запряженные лошадьми, быками и даже верблюдами. На других телегах лежали сети, провизия и разобранные временные жилища, в которых в это время живут казаки.

Завидев мой тарантас со слугой-казакон, рыбаки останавливались и отдавали честь, поскольку принимали меня за французского генерала, но если им случилось застать меня одиноко бредущим пешком, то тогда они не проявляли ко мне никакого уважения. От пыли, поднятой телегами, вокруг ничего не было видно.

Прибыв в Каленовский поселок, я сразу отправился в стан рыбаков, находившийся в трех километрах от него. Он представляет собой множество небольших шатров [1], несколько тысяч повозок и постоянно снующих людей. Одни рыбаки проверяли сети и готовили к завтрашнему дню лодки, другие обустраивались на ночь, а третьи варили ужин, впрочем, достаточно скромный [2], растапливали самовары и раскладывали кокурки (пирожки) [3], хлеб, огурцы, дыни и арбузы. Среди казаков важно расхаживал грузный поп, который лез ко всем с разговорами, пробовал арбузы и дыни, нигде не отказывался от спиртного, отчего вскоре его окончательно развезло.

– Посмотрите, ну посмотрите-ка, как они работают, наши казаки, да благословит их Господь: он ведь так не любит бездельников!

Батюшка, слегка пошатываясь, шел рядом со мной и непрерывно болтал.

Заметив невдалеке приличный тарантас, он направился к нему и, чуть не перевернув его, рухнул внутрь. Я же тем временем продолжал разговор, но в ответ услышал только ужасный храп.

– Ну и пьянчуга! – сказал, посмеиваясь, стоявший рядом казак. – Этаким храпом можно распугать всю рыбу на десять верст вокруг. Да, не видать нам завтра осетров!

В сопровождении этого казака я спустился к реке. Мимо медленно нес свои воды Урал. Было еще светло, и поэтому в нем всю резвились рыбы. Мой провожатый легко определял их по манере выпрыгивать из воды. Оказывается, если рыба выскакивает тяжело и при этом блестит чешуей – это карп, ежели бьет по волнам своим длинным хвостом, образуя многочисленные брызги, – значит, это судак. Вдруг недалеко от нас

из реки взметнулась метра на полтора и сразу же скрылась в пучине огромная рыба. Это, по словам казака, была самка осетра. Не сразу с поверхности воды исчезли следы от ее кульбита. Примерно то же самое я наблюдал в корейских бухтах с акулами, и лишь тихоокеанские киты произвели на меня большее впечатление.

Когда я вернулся в поселок, казачий лагерь уже отходил ко сну. Взошла луна, и ее золотистый свет причудливо осенял речную поверхность.

Рано утром меня разбудил громкий колокольный звон. Я открыл окно, выходящее на широкую улицу рядом с площадью, посреди которой стояла церковь. Жители поселка уже собрались, все вокруг было праздничным. Закончив богослужение, священники, дьяконы и служки вышли из нее, неся перед собой святые образа, за ними следовала толпа женщин и детей. Вместо торжественности, какая обычно бывает в таких случаях в других местах России, на их лицах отражалось характерное для казаков искреннее и заразительное веселье. Женщины нарядились в яркие праздничные платья и корсажи, надеваемые только по большому случаю. Хотя эта одежда напоминала куртки наших жокеев, она соответствовала предстоящему зрелищу.

Подали две повозки – мою и войскового атамана. Толпа расступалась и приветствовала нас. Мы прибыли к месту сбора. Палатки были уже убраны, а телеги со снаряжением и провизией в сопровождении детворы отправились к следующему населенному пункту [4], куда рыбаки придут к вечеру и будут там продавать пойманную за день рыбу, готовить икру, солить улов и выпускать оставшуюся его часть в садки, устроенные у реки, чинить сети и лодки и, если представится возможность, отдыхать.

Когда появился войсковой атаман, служитель бога перекрестил реку и прочитал проповедь. Его речь была наивной и простой, как будто предназначалась для детей, но зато она была понятна казакам. Священник стоял на берегу. Рядом с ним, окруженный святыми образами, находился войсковой атаман. Среди казаков много староверов, поэтому к проповедям попов они равнодушны: истово веря в бога, они полагают, что с ним можно общаться и без посредников. Тем временем православные просили Всевышнего даровать им удачу. Их поддержали несколько раскольников, считающих, что даже чужая краткая молитва не помешает.

После окончания моления все казаки, причем даже те, которые в нем не участвовали, окружили атамана. Он поприветствовал их, пожелал успешной рыбалки и спросил, есть ли какие жалобы. Несколько стариков, выбранных казаками в качестве представителей, вышли вперед, отдали атаману честь и перечислили свои просьбы. Атаман дал им соответствующие ответы, а затем приказал готовиться к началу плавни.

Вслед за тем я вместе с офицерами и батюшкой направился в атаманскую палатку, где был накрыт стол, обильно заставленный закусками, самогоном и рябиновой настойкой. Священник произнес тост за здоровье войскового атамана, который лишь пригубил спиртное, и чокнулся с присутствующими. Пропустив первый стакан, он налил еще пару и подошел ко мне, но атаман предупредил его:

– Отец Михаил! Наш француз не пьет самогона, а предпочитает только вино.

– О, Магушка, Пресвятая Богородица! Да как такое можно?! – оторопело выпучил глаза служитель бога.

Однако он быстро пришел в себя и залпом выпил содержимое сначала одного стакана, затем еще раз изумленно взглянул на меня и, видимо, решив, что добро не должно пропадать, разом опустошил второй.

– Нельзя пренебрегать дарами Создателя! – воскликнул он.

– Ну раз Вы, отец Михаил, пьете за двоих, считайте, что половину этого составляет моя доля, – успокоил его я.

Все покатались со смеху: очевидно, они подумали о том же.

– Вы меня обижаете, – недовольно буркнул поп, – я не пью за других!

– Ну не сердитесь, отец Михаил, – примирительно произнес я, протягивая ему руку, – не сердитесь. Поскольку дары божьи воистину не следует отвергать, я прошу Вас пить за меня до конца Вашей жизни.

– Не надо мне повторять это по несколько раз, – обрадовался он, – я согласен, согласен!

– А ты, Мишка, помнишь, что тебе сказал епископ? – укоризненно изрек ему один из офицеров, видимо, знавший священника с детства.

– И что же?

– Уже забыл? Так я тебе напомним. Он сказал: «Сын мой, знайте, что употреблять можно, но нельзя злоупотреблять!»

– Дружище, тут ты не прав! – воскликнул отец Михаил. – Мы с французом уже обо всем договорились. Когда я предстану перед Всевышним и мне придется отвечать за свое пьянство, я объясню, что половину из выпитого мною принадлежит мусье Павлу!

Эх, святой отец, святой отец! Сколько же тебе, должно быть, пришлось в тот день выпить за нас двоих! И я даже не решаюсь предположить, сколько своих грехов ты припишешь мне на Страшном суде...

Атаман внезапно прервал нашу беседу и попросил следовать за ним. Мы вышли на крутой правый берег Урала. Его высота в этом месте была всего пять-шесть метров. Метрах в тридцати от берега рядами лежали длинные будары, числом около трех тысяч. Рядом с каждой неподвижно, словно на военном параде, стояли по два казака [5]. Противоположный берег был песчаным, плоским и пустынным, с редкими зелеными кустиками. До самого горизонта тянулась однообразная и бескрайняя степь, а перед нами нес свои воды резвый и безмолвный Урал.

Внезапно атаман резко поднял руку, и тотчас же прогремел пушечный выстрел [6]. Казаки схватили свои лодки и поволокли их к реке. Расталкивая друг друга – до воды нужно добраться побыстрее – они бросали их в Урал и незамедлительно же начинали грести. Несколько лодок сразу опрокинулось, но их владельцам никто не помогал, чтобы не упустить рыбу. Через некоторое время казаки-неудачники смогли придать своим лодкам нормальное положение и вычерпать из них воду. Зрители громко хохотали над этими недотепами.

Почти все будары были черного цвета, и лишь одна – зеленого. Узкая и грациозная, она быстро шла вниз по течению, легко обходя остальных, пока из-за неудачного маневра не опрокинулась, и оба ее владельца долго плавали вокруг нее, безнадежно пытаясь перевернуть свое суденышко.

В это время войсковой атаман попрощался со мной и отбыл обратно в Уральск. Я вскочил в коляску и, сопровождаемый несколькими офицерами, во весь опор помчался в поселок Лебяжий [7], расположенный в нескольких километрах южнее. Мне хотелось прибыть туда заранее, чтобы полюбоваться идущими по реке бударами. Сделать это было легко: мой путь шел по прямой, тогда как рыбакам предстояло преодолеть многочисленные излучины Урала между Каленовским и Лебяжьим поселками. Толпа нарядно одетых женщин спешила к берегу. В ней я заметил несколько ядреных и пышущих здоровьем соблазнительных девушек довольно крепкого телосложения, которые без умолку болтали и хохотали. Столь же шумели и замужние женщины, рядом скакала, бегала, играла и боролась ребятня, а старики вспоминали о плавнях былых времен. Не имея возможности рыбачить, они ругали то, как это делают их внуки. Река все еще была безмолвна, и сверху по ее течению между золотистой песчаной отмелью киргизского берега и серебристыми березами, растущими на казачьей стороне, в водах отражались солнечные блики.

Вдруг на горизонте показалась какая-то черная полоса. То были рыбацкие лодки, над которыми развевались синие и красные рубахи казаков. Сигнал начать ловлю еще не прозвучал, но казаки гребли изо всех сил, вынуждая рыбу спасаться от этой безумной погони.

Лодка, шедшая первой, принадлежала атаману рыболовства, за ней следовали двенадцать его помощников. Полагая, что войсковой атаман все еще находится среди нас, атаман рыболовства приказал всем лодкам выстроиться рядами по всей ширине реки как на войсковом смотре. На берегу сразу все смолкло, но в момент, когда лодки проходили мимо нас, шесть тысяч рыбаков (экипаж лодки состоит из двух человек) поприветствовали всех громогласным «Ура!». В ответ офицеры, женщины и старики знаками и криками пожелали рыбакам хорошего улова. Жены и дети пытались разглядеть среди рыбаков своих мужей и отцов. Одна девушка послала воздушные поцелуи лодке, в которой будто бы завидела своего жениха, другая радостно воскликнула:

– У меня нет суженого, но по воздуху я одновременно целую всех!

«Ура!» рыбаков послужило сигналом к началу лова. Ряды будар смешались. На носу каждой из них сидел гребец, а на корме – рыбак. На двух шедших рядом лодках стояло по казаку, которые держали за концы и тянули по дну реки огромную сеть. При ее выемке будары сближались и на их днища вываливали лещей, карпов, судаков и подкаменщиков. Поимка осетра сопровождалась радостными криками, но иногда его крупные особи рвали сети, опасно раскачивая при этом лодки.

Вдруг ко мне бросился старый казак, держа в своих руках яростно бившегося звездного осетра, то есть севрюгу длиной примерно в метр и двадцать сантиметров, и предложил ее мне.

– Я был на Малаховом кургане, – пояснил он, – и с тех пор уважаю французов [8]. Позвольте мне в связи с этим преподнести Вам эту рыбу.

Я пожал старику руку. Рыбина билась о землю так сильно, что ее икра обрызгала грудь одного из стоявших рядом мужчин. Севрюга не только крупная, но еще и невероятно сильная порода, поэтому держать ее надо в рукавицах, ибо о туловище и плавники можно серьезно пораниться. Старый казак вспорол ножом рыбе брюхо, вывалил икру в ведро [9] через сито [10], оставив кровяные волокна в руках, а затем посолил ее. На пуд, то есть 16 кг, икры требуется фунт соли. Через пятнадцать-двадцать минут эту смесь можно есть. Но даже такому любителю этого деликатеса, как я, было не очень приятно наблюдать за ходом его приготовления. Тем не менее, икра была превосходной, а во время обеда, устроенного прямо на берегу, мы с аппетитом полакомились вареной севрюгой. Многие рыбаки, чтобы не тратить времени, обедали в своих лодках. К вечеру большинство их были заполнены рыбой. Я пешком добрался до селения, где мне отвели комнату. Неподалеку стояли палатки, и мне вновь пришлось увидеть рыбацкий лагерь. Рядом с каждой повозкой горел костер, дети и несколько стариков готовили суп и чай.

Поужинав с офицерами, я вернулся к себе, но уснуть не мог: рыбаки кричали и бегали, разыскивая свои телеги. Распахнув окно, я увидел в ночном мраке множество огней: лагерь напоминал армейский бивуак.

Отовсюду раздавались крики и песни. Несмотря на усталость, большинство рыбаков предалось попойке: казаки, как известно, очень гордятся своими способностями потреблять много спиртного.

Количество выпитого в тот вечер вполне сравнимо с размером выловленной в первый день рыбы. Удачливые казаки пили за свой успех, а остальные – с горя.

На следующий день рыбу не ловили, а продавали [11].

На берегу был разложен вчерашний улов, по словам атамана рыболовства, около 65 000 кг, чем он был не совсем доволен. Но это вполне нормально для первого дня.

так как половина его уходит на молитву, речь войскового атамана, рассмотрение просьб казаков и различные приготовления. Красной рыбы в первый день было поймано мало. Один рыбак показал мне сеть, которую порвала 700-килограммовая белуга. Пораженная багром, она все же смогла опрокинуть лодку. Однако небольшое количество красной рыбы на берегу имелось. Самая крупная из выловленных рыбин весила фунтов 250–300, в составе улова имелись судаки, подкаменщики и особенно карпы.

Везде стояли маленькие белые палатки торговцев из Уральска, Гурьева, Саратова, Одессы, Москвы и Петербурга. Покупатели громко торговались с рыбаками и обсуждали наиболее удивительные экземпляры особей. Все были возбуждены, толкались, бранились и беспрестанно орали.

– Казаки, – пожаловался мне один казанский негодник, – сегодня хорошо разбираются в ценах, и нам больше не удастся вести с ними дела так, как раньше!

Офицер, которому я пересказал эти слова, подтвердил:

– Да, сейчас казаки набрались опыта, но торговцам все равно удастся наживаться на них. Жуликов среди покупателей немало.

Люди, однако, продолжали готовиться к завтрашнему дню, при помощи стариков чинили будары, а женщины и дети штопали порванные сети. Одни рыбаки препирались с торговцами, другие засаливали улов для отправки его в большие ледники Гурьева или готовили икру.

Днем я, сев в тарантас, поехал обратно в Уральск, а рыбалка тем временем продолжалась, и еще несколько часов мне слышались крики тысяч людей, пока, наконец, не наступила тишина. Моя повозка бойко катилась по скверной дороге через бескрайнюю и унылую степь. Я проезжал через безлюдные и мрачные станицы: все мужчины были на рыбалке, а потому меня встречали только женщины. Они спрашивали, не видел ли я их мужей и отцов, как проходит ловля, велик ли улов.

Вскоре я был в Уральске, откуда на следующий день выехал в Париж, но перед моими глазами еще долго стояло, возможно, самое удивительное и волнующее зрелище из всех, которые мне когда-либо приходилось наблюдать!

Перевод с французского Лилии Сахибгареевой.

Примечания – кандидата исторических наук Игоря Кучумова.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Эти войлочные шатры, устанавливаемые казаками, назывались кошарами.
2. Обычным ужином рыбаков была рыбная похлебка «щерба».
3. Кокурка – небольшая, преимущественно сдобная булка, иногда с запеченным внутри яйцом в скорлупе, старинная закуска для путешественников.
4. Место, где заканчивается дневной лов, называлось «рубуж».
5. Обычно экипаж лодки состоял из двух, иногда из трех рыбаков (так называемые будары-двойчатки).
6. Он назывался «удар».
7. Ныне село Лебяжье в районе Магжана Жумабаева Северо-Казахстанской области Республики Казахстан.
8. Малахов курган – тактически важная высота Севастополя. Прославлен героической обороной русскими войсками во время Крымской войны против англо-французских войск в 1854–1855 гг.
9. Так называемый чуман.
10. Эта решетка из пряхи называлась грохотом.
11. Этот свободный от рыбной ловли день назывался днёвкой.

